

Черные ангелы и люди в красном

Премьеры сезона в венских Штаатсопер и Фольксхопер

Алексей Парин

Как участвует в катящихся по Вене Festwochen оперная пара — Штаатсопер на центральном Ринге и Фольксхопер на уходящей вдале от центра Верингерштрассе? Это тем более интересно, поскольку со следующего сезона две сцены утратят живые связи по принципу сиамских близнецов с единым кровообращением и сохранят общим разве что пуд певцов.

Премьер, укладывающихся во временные рамки Festwochen, три. На Верингерштрассе — опера забытого по разным причинам немецкого композитора Макса фон Шиллинга «Мона Лиза» и концертное исполнение «Лакме» Делиба, на Ринге — дубль одноактных балетов, «Черные ангелы», или точнее по-английски Black Angels, на музыку Крамба и Пфлюгера в постановке Ренато Дзанеллы и «Песнь о земле», как следует из названия, на музыку Малера, в постановке Кеннета Макмиллана. Плюс домашние радости — возобновление Così fan tutte Моцарта в Театре ан дер Вин под руководством Риккардо Мути. Домашние радости, впрочем, омрачены траурным настроением: судя по всему, оперным спектаклям не красоваться более на сцене, видевшей мировые премьеры «Волшебной флейты» и «Фиделио» — его величество музыкант, динамичное и падкое на деньги дитя XX века, вытолкнет старушку оперу из легендарных стен. Оперная общественность пытается протестовать, но что из этого протеста получится, пока не ясно.

Однако вернемся к премьерам. Забираясь на территорию, по праву принадлежащую моей блестящей коллеге Татьяне Кузнецовой, охарактеризую балетную премьеру — с общекультурной точки зрения. Энергичный Ренато Дзанелла, главный хореограф Штаатсопер, всеми силами старается залечить раны, нанесенные венскому балету своевольной Еленой Чернышовой и не слишком волевой Энн Вульямс. Заново приучая труппу к серьезной работе, Дзанелла выпускает премьеру за премьерой. На сей раз он перенес на сцену Штаатсопер свою собственную работу, выпущенную три года назад в Штутгарте, и классический опус в жанре симфонического балета, увидевший свет rampy там же в 1965 году и обещавший с тех пор многие сцены мира.

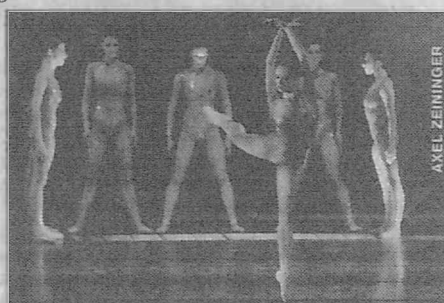
В произведении Дзанеллы главным показателем музыка: отродно было слышать, как Пять пьес для фортепиано и «Черные ангелы» — тринадцать образов из Темной Земли. Джорджа Крамба, по капризам, по зернышкам, по лепесточкам заполняли respectable пространство Штаатсопер и давали ему новое измерение. Тщательно выделанный хореографический текст вкупе с изысканной игрой пространством (движущиеся черные плоскости элегантно вырезают световые пучки, в финальном эпизоде танцовщицы балансировали на качающемся плоту среди световых волн) дотягивался до музыки только частично.

В нестаршем опусе Макмиллана музыка снова вышла на первый план по другой причине. Хореографический текст как таковой здесь столь значителен, что великая музыка Малера не так уж склонна к упрекам. Однако в отличие от Дзанеллы, Макмиллана в Штаатсопер поручили не звездам и выучили на скорую руку. Роли, дожившиеся когда-то на непревзойденных Марсио Хайде, Ричарда Крэгана и Эгона Малсена, ложилась теперь где-то рядом с телами разномастных и разностильных исполнителей. Дело спасала энергичная дирижерка Симона Янг: даже из оркестровой ямы на нас катилась матеровская мощь, и образная беспомощность вокалистов Кита Икаяя-Пурди и Бернадетт Каллен оказывалась не в силах затупить живой огонь музирования.

Раз уж мы упомянули Янг, договорим о ней все хорошие слова. Во время Festwochen Штаатсопер показывает спектакли, чьи премьеры состоялись в этом сезоне несколькими месяцами раньше. Посему в репертуар попал и «Питер Граймс»

Бенджамин Бриттена, спраздновавший свое венское рождение в феврале под руководством Мстислава Ростроповича. По свидетельству венцев, молодая Симона, уроженка Австралии, недавно успешно дебютировавшая в Метрополитен-Опере, придала протяженной партитуре особую напряженность и наполненность. Действительно, вольное музичество Янг как бы мультиплицировало классную режиссуру Кристины Милич, изобилующую тончайшими психологическими и пластическими нюансами, и точное по цвету и линии оформление Готфрида Пильца: раз в кои веки мы имели дело в Штаатсопер с современным музыкальным театром, а не с солидной Оперой Ивановой. Острый рисунок ролей отрабатывался певцами с удивительной тщательностью и свободой; особенно блестяли исполнитель заглавной роли Нил Шикофф, упаковавший своего героя-аутсайдера в плотные пелены драматизма, и Памела Коберн, чья Эллен, сестра виденной нами на гастролях «Ла Скала» в Москве мопартовской Фюрдильдиги, пленяла классичностью в самом лучшем смысле. Милич нигде не опустилась до жанровых сцен — даже гулянка поставлена ею как сгущенный образ сегодняшней провинции с дискотечными, наркотиками и рокеями; жаль, что нам не показали интерлюдий, против которых восстала мораль маэстро Ростроповича: не то чтобы нам так уж хотелось засунуть нос в кухню Штаатсопер, просто единственная спасенная Шикоффом интерлюдия еще раз подчеркивала смысл понятия «музыкальный театр».

В Фольксхопер показывали новую «Кармен» (премьера — декабрь 1995) в брюссельской постановке — режиссер Ги Йоостен, оформление Иоханнеса Лейакера и Карин Зайтле.

ЭВА ПЕТТЕРС В БАЛЕТЕ BLACK ANGELS

Современно обнаженная сцена, попытка провести сквозную линию Торо, чуть ли не как главного персонажа, симпатичные примочки в разработке отдельных персонажей разбивались о посредственность музыкального уровня (дирижер Корнел Траилеску) — и о немецкий язык. Вместо носовых изысков и принасти гласных французского — полный рот согласных; несмотря на великолепный перевод — вместо крови или, точнее, того «солнца в крови», которое так удачно присочинила когда-то Ростану Шеткина-Куперник, — клоквенный сок (или морковный кисель). Разве только Михалза тончайшей музыкантки Сильваны Дуссман остановила скуку (это в «Кармен»-то!), разве только интересно поставленная финальная сцена с «вывернутым» пространством заставила утешиться. В финале Йоостен оттордил сцену от зрителей красным полотнищем, поместил испанских хористов в украшенные шальями крайние боковые ложи всех ярусов, заставил детишек петь в горизонтальную прорезь полотнища — и подал пару протагонистов на авансцене. Особо эффектно это сработало, когда Хозе убил наконец свою цыганку — тут занавес поднялся, мы увидели пустую, голую сцену с обрывками праздника, и Хозе ушел, голоса, в недры театра.

Впервые появившаяся на сцене Фольксхопер «Мона Лиза» фон Шиллинга была забыта наполовину, кажется, не только потому, что национал-социалисты попытались замазать своей любовью имя композитора, умершего через несколько месяцев после их прихода к власти. Произведение «немецкого веризма», пытающееся в наивной форме разгадать загадку Джокондиной улыбки и увидевшее свет все в том же Штутгарте в 1915 году, отличается вполне

скромными музыкальными достоинствами — тем более что Шиллинг, в отличие от Пуччини, не может растянуть на целую оперу одну запоминающуюся мелодию. Андреас Райнхард сочинил оформление как композицию в красном: ренессансная чувственность затянула дом алыми крепами, все костюмы сшиты из изысканнейших тканей разнообразнейших оттенков красного. Никакого дешевого венецианского карнавала с его, пусть и утонченной, пестротой: только алое, коралловое, шарлаховое, малиновое. И в конце из проема в зеркале сцены, где на протяжении действия словно бы плескалась вода, вдруг выедут гигантские — во всю высоту сцены — вращающиеся песочные часы, и истекут минуты, отсчитанные историей этой опере. Бледному сценическому действию (режиссер Курт Хоррес) не поможет высококачественное музичество (дирижер Эрнст Мерцендорфер); хорошо сыгранная свита — блестящие актеры-певцы Курт Шрайбмайер и Вилхелм Слабберт — не спасет королеву — Мону Лизу в исполнении простуженной Изабеллы Биландт: останется утешать себя воспоминаниями о том, как два упомянутых артиста-джентльмена щедро дополнили премьерство Ани Сильи в «Средстве Макропулоса» и Ребекки Бланкеншип в «Леди Макбет Мценского уезда». Красное на сцене сработало бы великолепно, если бы в музыке и действии это красное жило полноценной жизнью — а там только розовая водичка с редкими вкраплениями стукоты крови.

Веберовский «Волшебный стрелок», тоже одна из премьер этого сезона (в Штаатсопер), еще более поражает картинкой, он прямо-таки тонет в находках и придумках гениального сценографа Эриха Вондера. Тонет в буквальном смысле, как тонущий корабль: банальные разводки режиссера Альфреда Кирхнера и плоские холды дирижера Леопольда Хагера тянут его ко дну, и только великолепные солисты — Соиле Исооски (Агата) и Рут Цизак (Эннхен), Томас Мозер (Макс) и Монте Педерсон (Каспар) держат судно на плаву. Вондер предлагает нам все, что пожелаем: оптические шутки с проекциями и псевдопроекциями, игру в театр и закулисье, натуральность и подделку, нарисованное и пририсованное. Но художник, в отличие от певцов, помешающихся в точно установленных рамках стиля, из рамок разумного выходит — и сам ставит под сомнение плодотворность своих фантазий.

Зато чьи фантазии никогда не ставятся под сомнение, так это фантазии виртуозки вокала маленькой француженки Натали Дессей. Ее Лакме, даром что без ориентальных одеяний, в концертном платье, так упаковывает своими колокольчиками венскую публику, что та только стонет и воет. Ее Зербинетта в «Ариадне на Наксосе», даром что в старом и банальном спектакле, даром что на фоне блестящей дебютирующей в Штаатсопер любимыи москвичей Деборы Войт, так знойно выводит свои колени (лежа на спине!), что публике, не признающей в этой роли никого, кроме Эдиты Груберовой, лучшей Зербинетты послевоенной Европы, остается только опять стонать и выть, выть и стонать.

Виктория Лукьянец, еще одна соперница Груберовой в венской Штаатсопер, в данный момент в Милане — поет одну из русалок в «Золоте Рейна» у маэстро Мути. Но она вернется в Вену — после Зальцбурга, где она поет Донну Анну у Баренбойма, — в следующем сезоне, чтобы продолжить спор виртуозок: кроме Олимпии в «Сказках Гофмана», коронной роли Дессей, которую Лукьянец исполнит на открытии сезона, она предстанет Эльвирой в «Пуританах», а на следующий вечер после ее дебюта в этой роли маститая Груберова ответит ей своей Лючийей. Так или иначе, жизнь в Штаатсопер не остановится, когда отпрямят Festwochen и 30 июня отзвучат последние аккорды «Дон Жуана» и последний раз в этом сезоне опустится занавес на Рингштрассе.